

ДЖОУ КЕННИТ ДИКСОН (JOE KENNITH DIXON)

81st AA Battalion - 101st Airborne Division/81-й Батальон ПВО – 101-я Воздушно-Десантная Дивизия

101-я Воздушно-Десантная Дивизия – одно из подразделений армии США, заслуживших громкую славу. Легендарный статус закрепился за этой дивизией после выхода телесериала *Band of Brothers / Братья по Оружию* (2001), созданного по одноимённой художественно-документальной книге историка Стивена Амброуза. О своем участии в боевых действиях дивизии рассказывает пулеметчик Кеннит Диксон...

В пятницу 13 марта 1942 г. я начал свою армейскую службу в лагере *Camp Beauregard* (Лос-Анжелес). Это был старый военный лагерь времен ПМВ, состоявший из одноэтажных казарм с грунтовыми полами, усыпанными опилками. В казармах стояли раскладные кровати, на каждого было по два одеяла. Единственным преимуществом этих казарм было то, что в них не нужно было подметать и мыть пол.

Нам выдали форму и солдатские жетоны, затем постригли. Вечером в казарму пришел солдат с нашивками на рукаве и сказал, что всем необходимо явиться в 3 утра для работы на кухне (*это именовалось K.P. duty – Kitchen Police или Kitchen Patrol – ВК*). Вскоре я узнал, что это был сержант, и тот «кухонный патруль» стал первым из множества случаев, в которых мне была предоставлена эта «честь». На следующее утро меня разбудили в 2.45 ночи и сказали явиться на перекличку напротив казармы. В то утро я узнал, что когда называют твое имя, нужно говорить не «здесь» или «присутствую», а просто крикнуть «хо!».

Весной 1943 г. приобретенные нами в ходе обучения навыки были проверены во время десятидневных маневров в Южной Каролине. Это было веселое время! В лагере *Fort Bragg* мы погрузили наше снаряжение на планер и уже вскоре были в воздухе. Приземлились мы вблизи городка Ламбертон/Lumberton на кукурузном поле. Стебли кукурузы проткнули пол планера и сильно замусорили его. Забавное было приземление... В последующие 10 дней мы спали и отдыхали совсем немного.

В Англии

В Англии наш лагерь находился в лесистой местности, что поднимало настроение, но портило его то, что баня и туалет находились ярдах в 100 от казармы. Прямо рядом с лагерем находился паб. Англичане приходили в этот паб целыми семьями – в нем они наносили визиты друг другу и общались. Мы же в нем научились здорово играть в дартс.

Я попал в дивизионную баскетбольную команду – мы стали путешествовать, проводя игры. Как-то вечером мы играли в городке Ридинг/Reading, и игра у меня шла неплохо. Я услышал, как кто-то с трибун все время кричит: «Come on brother - good going brother! / Давай брат – хорошая игра, брат!». (В школе братом меня звала девушка по имени Джорджия). Я понял, что кричит кто-то из моих родных мест. После игры двое парней подошли к площадке. Это были Уилки и Эдвин Стивенс (Wilkie и Edwin Stephens) из моего

родного Хорнбека/Hornbeck. Приятный сюрприз! Это был один из тех моментов, которые заряжают тебя энергией...

Не припомню случая, в котором мне удалось увидеть хорошее кино в Англии. Я не понимал, что они говорили, из-за их акцента, а их чувство юмора было для меня чем-то непостижимым. Однако хорошим развлечением были танцевальные вечера, кроме того, было множество исторических мест, которые стоило увидеть.

Как-то я получил письмо от парня из моих родных мест, который, как я знал, тоже находится в Англии. По штампу я понял, что оно было отправлено всего день назад (разумеется, место где он служил, не было указано по соображениям секретности). Я обрадовался, потому что понял, что он где-то близко. Я ответил ему и написал, что мог бы встретиться с ним в Лондоне или в Ридинге в танцевальном клубе. Вскоре он ответил, что может встретиться со мной в Оксфорде. Его звали Кендрик Эванс (Kendrick Evans). Когда-то мы с ним были хорошими друзьями и пару лет до призыва в армию проводили вместе свободное время. Он служил в ВВС и погиб во Франции. Бобби Кэйн (Bobbie Cain), парень, с которым мы вместе росли, тоже погиб. Мне довелось повидать его в Англии. Несколько парней из моего батальона были откомандированы в Westchester, чтобы подготовить лагерь для вселения в него 9-й Пехотной Дивизии (она возвращались из Сицилии). Двое из этих парней жили в моей казарме, и однажды ночью у услышал их разговор, в котором они называли номер части, для которой производили уборку помещений. Это был 60-й Батальон 9-й Дивизии. Эта дивизия в свое время проходила подготовку в лагере *Fort Bragg* (Северная Каролина) и была отправлена в Африку, а моя 101-я Дивизия вселилась в их казармы. В той дивизии служил Бобби. В тот же уикенд я получил увольнительную и поехал в их расположение, чтобы увидеться с ним. Приехав в лагерь, я нашел его – Бобби спал после наряда на КПП. Никогда не забуду его лицо, когда он увидел меня. Я нашел с ним общий язык только через несколько часов. Он рассказал мне о том, что пережил в Африке и на Сицилии. Он знал, что ему предстоит принять участие в вторжении во Францию, и предчувствовал, что не вернется домой. Он погиб за 9 дней до окончания войны.

В конце мая 1944 г. мы тронулись в путь к побережью. Мы пробыли там почти неделю, где проходили последний инструктаж, изучали карты и проверяли наше снаряжение. Инструктаж проходил в большой палатке, в которой потом по вечерам показывали кино. Сидеть было не на чем, и мы сидели прямо на земле или на касках. Как то я опрокинулся со своей каски назад и упал на кого-то. Когда я сказал «извиняюсь», и через несколько секунд, в полной темноте, этот парень ткнул меня в спину и сказал: «А ты не Кеннит Диксон?» Я ответил: «Точно, это я, а как ты узнал меня в темноте?» Он сказал: «Узнал твой голос.» Это был Гвинн (Guinn) из Хорнбека. Парень служил сержантом, отвечавшим за работу столовой, и после шоу он взял меня с собой и пожарил каждому из нас по цыпленку. Это было здорово – посидеть и поговорить с человеком из твоих родных мест...

Итак, мы погрузились на судно, которое переправило нас в Нормандию. (Нас готовили к высадке с планеров, а за пару месяцев до ее начала нас отправили в Блэкпул, где обучали технике десантирования с моря). Мы подошли к берегу, а затем по веревочным лестницам спустились в катера, которые долждны были доставить нас на берег. Часа за два до часа «Н» над нашими головами появились самолеты, которые начали штурмовать немецкие позиции. Корабельная артиллерия также вела огонь. Атаки авиации и обстрелы закончились до наступления светового дня, и больше такого фейерверка мне увидеть не довелось. Час «Н» наступил в 6.30 утра – время высадки первой волны.

Мое подразделение должно было высадиться на берег через 7 минут после наступления часа «Н». Однако где-то ярдов за 200 от берега в наше десантное судно попал немецкий 88-мм снаряд, который перебил трос, удерживающий носовую аппарель, и она упала в воду. Двое парней из моего расчета и я стояли рядом с пулеметом, готовясь подхватить его и тащить на берег. Немецкий снаряд прошел наш катер и убил пятерых парней. Из просто разнесло в клочья – я стоял поблизости, и мне пришлось стирать с лица с лица куски плоти и чужую кровь. По соседству с нами остановился другой катер, чтобы подобрать троих парней, управлявших нашим судном. Наш лейтенант сказал им взять нас на борт до того, как затонет наш катер, и высадить на берег. Получив отказ, лейтенант выхватил пистолет и сказал следующее: «Если вы не высадите нас на берег, то вы не проживете достаточно долго для того, чтобы рассказать о происшедшем.» В итоге мы перебрались в другой катер, но он так и не доставил нас к самому берегу... Когда мы выбрались на пляж, немецкие снаряды рвались повсюду. Вдоль пляжа протянулась бетонная стена высотой примерно 6 футов (~1.8 м). Все пытались добраться до стены, чтобы найти под ней укрытие от огня. Мне это удалось, и я просто присел под ней. Вскоре вся моя группа собралась вместе, и мы установили наш пулемет так, чтобы он выглядывал из-за стены. Затем подтянулись части 4-й Пехотной Дивизии, и с помощью их танков войска начали продвигаться вглубь суши.

Все больше и больше людей, танков, грузовиков, всевозможная техника начали высадку на берег. К середине дня весь пляж был заполнен техникой. Мы слышали грохот корабельных орудий большого калибра, ведущих огонь по целям, расположенным далеко от побережья. Вскоре мы сообразили, что у противника просто нет самолетов, чтобы атаковать побережье Нормандии – в воздухе господствовала авиация союзников. Однако во второй половине дня над пляжем прошли три немецких самолета, обстрелявших пляж и сбросивших несколько бомб. Их встретил шквал огня, и самолеты были сбиты. Перед самым наступлением темноты я увидел первую группу пленных. Я стоял рядом со своим пулеметом, когда их привели на пляж – колонну примерно из 75 человек, четверо в каждой шеренге. Это было замечательное зрелище! Когда они подошли поближе, я увидел, что среди них была женщина. Военнопленные промаршировали мимо меня и вступили прямо в воду: их собирались погрузить на десантные катера и отправить в Англию. Немцы вошли в воду, и женщина начала поднимать свою юбку, чтобы не замочить ее, но вскоре поняла, что это – бесполезное занятие. Я стоял и думал: теперь, ребята, вы вовсе не выглядите как раса господ...

С нашей позиции я видел почти весь [пляж Юма/Utah](#). Весь день саперы расчищали его от различных препятствий, убрали мины и взрывали в бетонной стене проходы для техники и людей. Казалось, они не обращают внимание на рвущиеся поблизости снаряды. Первый день высадки подходил к концу. Мы закрепились на узком плацдарме и заплатили за это дорогую цену. Я провел на побережье 6 дней, после чего нас перебросили к находящемуся на некотором расстоянии от него мосту, который нужно было удержать и не дать немцам взорвать его. Заняв позиции у моста, мы поняли, что здесь только что закончились тяжелые бои. Неубранные трупы немцев и американцев все еще были разбросаны в округе. Мы установили наш пулемет на огневую позицию и почти сразу же увидели, как к мосту приближается грузовик, полный немцев. К этому моменту мы уже установили на огневые позиции восемь пулеметов, так что остановить немцев не составило труда. Нам было приятно сознавать, что мы спасли мост. Больше мы на этом участке в бой не вступали, немецкая авиация нас не беспокоила. В течение трех следующих недель мы несколько раз меняли позиции, и по-прежнему нашей задачей была охрана мостов и дорожных перекрестков.

Культовая фотография: солдаты 101-й Дивизии через два дня после высадки в Нормандии с захваченным немецким знаком воздушного опознавания

Все это время у нас не было возможность помыться по-нормальному. Через тридцать дней установили душ с горячей водой, из под которого нас трудно было вытащить. Это было что-то... На следующий день выяснилось, что нас отправляют обратно в Англию: и 101-ю, и 82-ю воздушнодесантные дивизии. Мы провели во Франции 33 дня. Нас отвели обратно к пляжу *Юта*, погрузили на десантные корабли *LST*, и вскоре мы снова были на нашей базе в городке *Rangborne*. Несколько дней мы приводили в порядок наши орудия, одежду и самих себя. Тут сказали, что всей дивизии дадут увольнительные – мы не могли в это поверить. Прогулки по городским улицам, походы в кино, пабы, отсутствие необходимости беспокоиться о том, стреляют в тебя или нет – все это было замечательно. Но вскоре отпуск закончился, и нас вернули в лагерь, чтобы держать наготове. Из Франции, тем временем, приходили, в основном, хорошие новости.

Примерно 12 августа нас отправили во Францию для следующей миссии, но к моменту нашего прибытия Паттон уже захватил то, что намечали для нас, и нас снова вернули в Англию. Находясь в Англии, мы уже начали думать, что так и проведем войну в рейсах на *LST* через пролив и обратно, но третья миссия оказалась вполне реальной. Она получила название [*Market Garden*](#). Нам предстояло высадиться в Голландии и захватить несколько мостов через реку и каналы, чтобы дать возможность союзным войскам продолжить наступление вглубь Германии. 101-я Дивизия должна была захватить и удерживать мосты через реку Маас и реку Ваал в районе города Неймеген. 82-й Дивизии предстояло захватить и удерживать мосты через каналы к северу от Эйнховена в районе городка Вехель и деревни Сон.

1-я Британская Воздушнодесантная Дивизия захватила самый удаленный мост в районе Арнема. 82-я и 101-я Дивизии тоже выполнили свои первоначальные задачи. Все мосты были захвачены целыми и невредимыми. Теперь перед десантниками стояла задача удерживать мосты до подхода британских наземных частей. Предполагалось, что у немцев мало сил в районе Арнема. На самом деле, все было наоборот. В районе Арнема располагались две немецкие бронетанковые дивизии, поэтому к моменту прорыва

британцев десантники были разгромлены. Нам приказали удерживать отрезок шоссе в 50 миль длиной и мосты, но немцы быстро пришли в себя и начали атаковать, нацеливаясь на мосты. В секторе, где был я, они дважды перерезали дорогу, но оба раза нам удалось сбить их с захваченных ими участков. Бои здесь были кровопролитными, в то же время генерал Монтгомери столкнулся с ожесточенным сопротивлением и продвигался не так быстро, как ожидалось. Это означало, что снабжать нас всем необходимым можно было только с воздуха.

Мой батальон переместился в небольшой городок близ Неймегена, где мы сменили отряд британских солдат. Через городок с запада на восток проходила железная дорога, с юга к ней примыкал канал. Между каналом и железной дорогой проходила обычная дорога, - единственная, ведущая в городок. Там, где эта дорога делала резкий поворот и пересекала железку, находилось небольшое здание железнодорожной станции. К северу от железки располагался сам городок, дальше – еще один канал. Британцы сказали нам, что на противоположном берегу этого канала находятся позиции немцев, среди которых большинство – пожилые люди и подростки, которые не хотят воевать. Сами британцы расхаживали без оружия и даже без касок. Меня отправили на северную окраину городка, чтобы найти двухэтажное здание и установить на втором этаже 50-мм пулемет, чтобы при необходимости вести огонь по позициям немцев через канал. Нам также приказали выпустить в их сторону несколько очередей, чтобы припугнуть противника.

Солдаты 101-й Дивизии в бою. Операция Market Garden

На следующий день за час до рассвета эти «старенькие немцы, которые не хотели воевать», начали обстреливать нас тяжелыми снарядами. Налет продолжался около часа, и как только он закончился, мы уже знали, что сейчас начнется массированная атака пехоты. Нас хватало лишь для тонкой оборонительной линии, и наши перспективы выглядели не очень веселыми. Было около 10 утра, когда мой сержант подошел к нам и приказал уходить, взяв с собой самый минимум. Мы вывели из строя наш пулемет и ушли. Перед этим сержант сказал нам отступить к зданию железнодорожной станции, где остальные парни будут дожидаться нас. Немного не доходя до станции мы увидели рядом с одним из домов семерых наших и джип с прицепом. Все загрузились в джип и прицеп и тронулись в путь. Выбраться из городка можно было или по дороге, или вплавь через канал.

Немцы поливали переезд через железку из пулемета. Мы знали, что наступит момент, когда немцам придется перезарядить пулемет, и сколько времени это займет. Как только этот момент наступил, сержант скомандовал «вперед», водитель нажал на газ и мы рванули через переезд. Нам нужно было сделать резкий поворот влево после переезда, и я ожидал, что прицеп перевернется, но этого удалось избежать...

Мы проехали какое-то расстояние и перегруппировались. Позднее мы узнали, что если бы не двое наших ребят, находившихся в станционном задании и отстреливавшихся из пулемета, мы бы не выбрались из этого городка... Через день или два части 101-й Дивизии снова захватили городок. Во время боя за него двое наших парней окопались рядом с поленицей дров. Одного из них звали Зиберт (Zebert), другого – Хикки (Hickey). Зиберт самым старым в нашей батарее. У него не было семьи, и вырос он сиротой. Писем он не получал. Зиберт даже записал Хикки в качестве бенефициара своей армейской страховки – такими друзьями были эти парни. На гражданке Хикки был профессиональным картежником, и эти двое резались в карты все свободное время. Так вот, когда они окопались, их ситуация выглядела безнадежной, и Зиберт сказал Хикки, что сейчас случится самое худшее. Он добавил: «Хочу спросить тебя и надеюсь, что ты скажешь мне правду. Ты когда-нибудь жульничал, играя со мной в карты?» Хикки ответил: «Все время это делал.» Короче, Зиберт из этой переделки выбрался, а Хикки, вроде, попал в плен. Мы еще находились на нашей позиции, когда увидели, что кто-то приближается к нам, кажется, Хикки. Через минут мы все увидели – это был он. Зиберт вышел из себя и заорал: «Дайте мне его, я убью это шулера, так и так его!» Но, подбежав к Хикки, Зиберт обнял своего товарища, и они оба замерли на мгновение. Это был счастливый момент...

Нас переместили на оборонительные позиции. К этому времени бои стихли. Мы провели в Голландии уже 73 дня, когда 101-ю и 82-ю дивизии посадили на грузовики и вывели из Голландии. 101-я Дивизия была отведена к *Mourmelon-Le-Grand* – лагерь близ Реймса во Франции. Мы провели там совсем немного времени и успели толком получить подкрепление и подготовить технику и снаряжение к следующей операции...

Арденны

17 декабря нас разбудили посреди ночи и приказали готовиться к маршу. Вскоре мы были в пути – оказалось, мы шли в Бастонь. Была холодная и дождливая ночь, первая из череды тех, которые нам предстояло перетерпеть. За что ни возьмись, всего у нас было мало. Бастонь была важным узлом дорог, и удержать ее нужно было любой ценой. Мы узнали о том, что немцы бросили все свои резервы в бой, чтобы прорваться через наши оборонительные линии, рассечь силы союзников на две части и проложить себе дорогу на Антверпен. Это могло бы продлить войну еще на год. Наш пулеметный батальон разместили в центре города, чтобы он могла защитить штаб. Мой пулемет располагался на южной стороне цепочки двухэтажных зданий. Погода совсем испортилась – пошел снег. В первую же ночь немецкие самолеты прошли над нами, сбрасывая бомбы и обстреливая город. Следующей ночью они появились снова. Поскольку мы открывали огонь по ним в прошлую ночь, они уже знали, где мы. Немецкая бомба упала неподалеку от нас, осколок попал в затворную коробку моего пулемета и вывел его из строя.

22 декабря Бастонь была почти полностью окружена, а 23-го мы уже были в котле. 22 декабря, к нашим позициям приблизились три немецких солдата с белым флагом и сказали, что у них послание для нашего старшего офицера. Солдаты отвели их к генералу

МакОлиффу (McAuliffe), и он увидел в послании следующее: «Вы полностью окружены и, если не сдадитесь, будете уничтожены.» Генерал ответил одним словом: «Nuts (Херня)!»

Погода не стала лучше, все еще шел снег. Бастонь была под постоянным жесточайшим артобстрелом. 24-го наш батальон был перемещен на южную окраину Бастони, чтобы прикрыть одну из основных дорог, ведущих в город. Мы получили приказ передвинуться в 10 часов вечера. Прибыв на место, мы вырыли ячейку, закончив работу за час до рассвета. Позиция наша была рядом с каким-то старым сараем. Небольшой такой сарай. Я разместил двух парней с противоположной стороны сарая и троих внутри него. Двое остались у нашего пулемета.

24-го утром погода прояснилась. Выглянуло солнце, и с ним появились истребители союзной авиации. Затем прилетели транспортные самолеты C-47 и стали сбрасывать нам разные грузы. Это было зрелище! Ну а истребители прошерстили позиции немецких танков и их и подъездные пути. Получив припасы с воздуха, мы приободрились, поскольку теперь у нас было вдоволь снарядов и свежие продуктовые пайки. Было 8 утра Рождественского дня, и я едва закончил уничтожение моего *K-рациона* (*K-ration*), когда наступил настоящий ад... На нас обрушился огонь минометов и всего остального, что могло стрелять. Это продолжалось минут двадцать. Когда огневая подготовка закончилась, немцы вышли из леса напротив нас. Мы должны были накрыть огнем полосу шириной примерно в 500 ярдов. Немцы были одеты в белоснежные маскировочные костюмы, и как только я увидел их, я тут же закричал: «Вот они – идут!» Я быстро увидел, что мой напарник не в состоянии стрелять, оттолкнул его от пулемета и открыл огонь. Между мной и дорогой было еще два пулемета, и они начали стрелять еще раньше меня. Немцы продвинулись до середины открытого поля, но попав под наш огонь, стали падать в снег и потом отошли. До полудня они пытались атаковать еще дважды, потом все стихло. Я спросил у парня, который был со мной в расчете, что с ним случилось – я-то думал, что он просто замерз. Он сказал, что хотел подпустить немцев поближе. Я ответил: «Черт возьми, парень, по мне и так они уже были слишком близко!» Так прошло Рождественское утро. С тех пор я не особенно люблю фейерверки и салюты...

Американские пулеметчики на оборонительной позиции. Бастонь

В итоге наша дивизия, укомплектованная на ¾, после 73 дней тяжелых боев [в Голландии] и очень короткого отдыха отбила атаки лучших немецких частей. Жители Бастони повылезали из всех щелей и укрытий, чтобы отметить нашу победу.

Рано утром 26-го мы услышали чей-то крик: «Эй, из 101-й, высуньте головы и дайте вас опознать!» Это прокричали трижды, и трижды какой-то парень прокричал в ответ: «Катись к черту, высунь свою башку и дай опознать себя!» Это были парни из авангарда 4-й Танковой Дивизии. Мы искали их три дня. Вскоре их танки и люди стали входить в город.

Мы получили прозвище «Битые Ублюдки из Бастони» и покинули этот город во время настоящего бурана. Это произошло 19 января. Вскоре нас подняли по тревоге для проведения другой боевой операции в Эльзасе-Лотарингии. Тишина и спокойствие в этом краю радовали нас после боев в Бельгии. Здесь мы обосновались в жилых домах. Парень по имени Митчел и я расположились в доме, в котором жила женщина с сыном 8-9 лет. С ними жила мать хозяйки.

Мы заняли оборонительные позиции в районе города Агно/Haguenau на реке Модер. Река Модер протекает через город Агно, немцы в то время закрепились на северном берегу. Здесь применяли принцип ротации: 4 дня на передовой – 4 дня в глубине позиций. Иногда немецкая артиллерия обстреливала нас, но, в целом, было довольно спокойно. Находясь на передовой, мы питались сухими пайками. В каждом из них была плитка шоколада, и мы с Митчелом оставляли наш шоколад для маленького парнишки, который никогда в жизни не ел шоколад. Когда мы покидали эту стоянку, хозяйка дома дала нам в дорогу шоколадный торт – шоколад был из тех самых плиток, которые отдавали парнишке...

После месячного пребывания в Агно нас вернули в Мурмелон/Mourmelon (Франция). Здесь мы отдыхали, продолжали боевую подготовку и наслаждались тишиной и спокойствием. Здесь мы узнали о том, что наша часть получила благодарность от Президента Эйзенхауэра (Presidential Unit Citation). Впервые в истории армии США такой чести была удостоена целая дивизия! Мы заслужили это за храбрость, проявленную при обороне Бастони.

24 марта мы наблюдали с земли за тем, как части 17-й Воздушнодесантной Дивизии пролетели над нами, направляясь к расположенной за Рейном зоне высадки. Через несколько дней, в начале апреля, мы уселись на грузовики и направились в сторону Рура. В нашу задачу входило удержание западного фланга Рурского котла на западном берегу Рейна. Это опять были позиции для статичной обороны. Опять нам приходилось проводить много времени в ночных патрулях в надежде, что ничего существенного уже не случится. Наша армия уже была в Германии и быстро продвигалась вперед. Разумеется, мы не получали утренних газет и не знали толком, что происходит. Мы знали, что «башмаки должны быть на ногах», и, если придет приказ выступить, нам останется только спросить: «В какую сторону?». Но мы чувствовали, что конец войны приближается...

В конце апреля мы выступили из Рура и начали быстро продвигаться на юг в сторону Баварских Альп и Австрии. Немцы уже потеряли волю к сопротивлению и сдавались тысячами. Иногда нам приходилось видеть их длинные колонны, марширующие к пунктам сбора военнопленных без конвоиров. Мы продвигались к Ульму, когда увидели джип, в котором стоял офицер и кричал нам, что Германия капитулировала. Мы чуть с ума не

посходили от радости. Остановились мы в Австрии на вершине какой-то горы в курортном отеле для горнолыжников. Война в Европе закончилась, и теперь мы могли есть горячие блюда три раза в день и делать преимущественно то, что нам хочется...

Памятник погибшим солдатам 101-й дивизии. Бастонь

<http://www.normandy1944.info/content/tabvets.html>

Перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org